

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ В УРГУ-ИНТЕРЬЕРЕ

Анатолий Тимофеевич Шашков и Виктор Иванович Байдин пришли ко мне из разных регионов востока России – первый из Кузбасса, второй с Урала. И во времени был разрыв: с Толей я работал уже в студенческом семинаре (кстати, едва ли не самом запоминающемся за десятилетия моего преподавания в НГУ), с Виктором мы начали заниматься несколько позднее. Но уже на уровне кандидатских защит этот разрыв почти исчез: защита А. Т. Шашкова состоялась 13 октября 1982 г., а В. И. Байдина – 6 апреля 1983 г.

Понятно, что темы обоим исследователям я давал близко к сферам собственных научных интересов, так что возможность для их будущего совместного творчества была заложена, так сказать, изначально (другое дело – не всякая возможность становится действительностью, а эта реализовалась самым плодотворным образом).

Шашков получил тему на перекрестке двух главных тогда для меня проблем – истории старообрядчества и судеб догматико-полемического наследия яркого писателя XVI в. Максима Грека. Это нацеливало прежде всего на материал более ранний, чем затронутый в моей монографии 1974 г. об урало-сибирских староверах XVIII в., и более широкий территориально. Работа Байдина мыслилась как хронологическое продолжение этой монографии на весьма интересный и бурный период конца XVIII – середины XIX вв.

Оба исследователя вполне успешно справились со своими задачами. Анатолий Тимофеевич детально проследил, как наследие Максима Грека использовалось до середины XVIII в. и сторонниками, и противниками реформы Никона, какие сочинения Афонца оказались в центре этой полемики, как расширялся авторитетный для староверов набор текстов Максима. На рукописях XVII–XVIII вв. была прослежена попытка подделки текстов о двуперстном крестном знамении и о сугубой аллилуйе сторонниками реформы и ее разоблачение поморскими палеографами начала XVIII в., а также широкое привлечение братьями Денисовыми Слов Максима Грека при создании в “Поморских ответах” развернутой системы аргументов мира староверия. Одновременно кодикологический анализ более 120 рукописей полного

свода сочинений Афонца позволил детально воссоздать историю возникновения поморской редакции этого свода¹.

Виктор Иванович впервые в научной литературе сумел представить цельную картину динамики старообрядчества Урала конца XVIII – середины XIX вв., исследовать состав, структуру, взаимоотношение старообрядческих организаций региона. Он выявил наличие разных подходов общины староверов к центральному для них идеологическому вопросу – об отношении к государственной власти. Победу более умеренного направления в беглопоповщине В. И. Байдин связал не только с репрессиями николаевского режима, но и с важными изменениями экономических интересов торгово-промышленной верхушки, ее переориентацией в 1830-х гг. на золотопромышленность².

Но одновременно логика научного поиска, удачный выход на массивы новых источников значительно расширили сразу в нескольких направлениях сферу научных интересов обоих молодых исследователей. Наряду, так сказать, с “индивидуальными” сюжетами, стали появляться и совместные.

Исследование судьбы сочинений Максима Грека в сфере раннего старообрядчества неизбежно привело А. Т. Шашкова к более пристальному изучению персонажей и идей, характерных для этой среды. Казалось, что раннее старообрядчество – достаточно освоенная историками и филологами область. Но Анатолий Тимофеевич быстро доказал, что на самом деле это не так, что осталось немало важных тем, обстоятельств, источников, избежавших внимания таких замечательных предшественников, как Н. Ф. Каптерев, П. С. Смирнов, А. К. Бороздин, В. Г. Дружинин, Н. К. Гудзий. Даже некоторые важные детали жизни и творчества протопопы Аввакума и его ближайшего окружения удалось уточнить, причем обнаружились новые нити, ведущие от них к старообрядцам, действовавшим в 1660–1680-х гг. в Зауралье и Сибири. Одной из несомненных удач здесь было установление конкретного адресата известно-

¹ См.: *Шашков А. Т.* Поморский кодекс сочинений Максима Грека // *Источниковедение и археография Сибири.* Новосибирск, 1977. С. 93–123; *Он же.* Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – начале XVIII вв. (Подделка и ее разоблачение) // *ТОДРЛ.* Л., 1979. Т. 33. С. 80–87; *Он же.* “Обличение на Соловецкую челобитную” Юрия Крижанича и споры XVII в. вокруг наследия Максима Грека // *Сибирское источниковедение и археография.* Новосибирск, 1980. С. 59–72; *Он же.* Афанасий Холмогорский и идейно-литературное наследие Максима Грека // *Русская и армянская средневековые литературы.* Л., 1982. С. 173–184; *Он же.* Тагильский сборник сочинений Максима Грека (кодикологические заметки) // *Рукописная традиция XVI–XIX веков на востоке России.* Новосибирск, 1983. С. 4–14; *Булапин Д. М., Шашков А. Т.* Описание собраний сочинений Максима Грека // *Булапин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. С. 220–251.

² См.: *Байдин В. И.* Новые источники по истории крестьянских волнений на Урале в 40-е гг. XIX в. // *Из истории духовной культуры дореволюционного Урала (XVIII – начало XX вв.).* Свердловск, 1979. С. 90–96; *Он же.* Новые источники по организации и идеологии урало-сибирского старообрядчества в конце XVIII – первой половине XIX вв. // *Сибирское источниковедение и археография.* Новосибирск, 1980. С. 93–109.

го “Послания сибирской братии” Аввакума и динамики текста памятника³. Адресатом оказался один из любимых учеников Аввакума Сергей (Семен Иванович Крашенинников), текст памятника был тесно связан с историей первых самосожжений сибирских крестьян и таким особым видом документальных источников, как письма этих крестьян к властям. А поскольку Сергей позднее играл весьма заметную роль в идеологических спорах на Керженце, этот последний центр, родина будущих уральских софонтиевцев-часовенных, также оказался в сфере интересов А. Т. Шашкова. Вскоре самосожжения XVII – первой четверти XVIII вв. на Русском Севере и в Сибири стали отдельным важным направлением исследований А. Т. Шашкова, которому удалось собрать и систематизировать документальные и нарративные известия об этих событиях, масштаб которых оказался куда более значительным, чем предполагалось ранее⁴. Так общерусская тема старообрядчества XVII в., обогатив Анатолия Тимофеевича немалым числом сведений о делах на западе от Урала, о европейских центрах староверия, вернула его на восток России не только XVII в., но и XVIII в.

Виктор Иванович уже при подготовке кандидатской диссертации четко осознал положительное значение, казалось бы, сухих и громоздких доку-

³ См.: *Шашков А. Т.* Послание сибирской “братии” протопопа Аввакума и его адресаты // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 85–87; *Он же.* Сергей // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 159–161; *Он же.* Сергей (в миру Семен Иванович Крашенинников) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. СПб., 1998. С. 339–343. К личности Аввакума и отношению к его идейно-литературному наследию А. Т. Шашков обращался и в других работах (см.: *Шашков А. Т.* Аввакум Петров // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 16–30; *Он же.* Пошехонский дворянин-старовер Ф. Я. Токмачев и споры конца XVII в. вокруг еретических писем протопопа Аввакума // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 105–112; *Он же.* Аввакум // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 83–87; *Он же.* Аввакумовщина // Там же. С. 88).

⁴ См.: *Шашков А. Т.* Новые источники по истории антицерковного протеста крестьян-старообрядцев Соликамского уезда в 80-х гг. XVII в. // Источники по истории народной культуры Севера. Сыктывкар, 1991. С. 31–36; *Он же.* Самосожжения как форма социального протеста крестьян-старообрядцев Урала и Сибири в конце XVII – начале XVIII вв. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 294–300; *Он же.* Старообрядческие самосожжения на Урале и в Сибири в XVII – начале XVIII вв. // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1995. С. 135–167. Одновременно делался и интересный анализ влияния “мистерии Соловецкого взятия” на идеологию и поведение участников “гарей”: *Шашков А. Т.* Неизвестная “гарь” 1685 года в верховьях Кокшенги (К изучению истории старообрядческих самосожжений конца XVII века) // Проблемы истории русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 104–111; *Он же.* Иван Евстратьевич Второго и его сын Емельян (из истории социального и религиозного протеста жителей Заонежья во второй половине XVII в.) // Проблемы истории России. Вып. 3. Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 333–346; *Он же.* Гари. Соловецкая мистерия черного дьякона Игнатия // Родина. 2000. № 10. С. 104–107.

ментов массового учета населения Урала для выявления реальной картины общественного сознания насельников региона. Ведь для подобных тем (включая динамику старообрядческой идеологии) исключительное значение имела идентификация конкретных носителей этой культуры, идеологии. Конечно, еще во времена П. И. Мельникова-Печерского было известно о связи части мира староверия с торговой и заводской верхушкой. Но потребовались детальные поиски В. И. Байдина в налоговых, производственных, церковных и прочих источниках демографических сведений, чтобы конкретно, в лицах представить разные социальные слои уральского старообрядчества, динамику взаимоотношений между ними. С самого начала Байдин, как уже упоминалось, небезуспешно стремился выявить экономическую и политическую подоплеку многих бурных дискуссий среди староверов XVIII–XIX вв., и это дало хорошую базу для его дальнейших исследований, все более расширявшихся в сферу истории уральской культуры, искусства⁵.

Но оказалось, что расширение это потребовало и нового уровня источниковедческой техники. Если с самого начала определение социально-экономических характеристик видных деятелей староверия, реальный комментарий к нарративным текстам требовали постоянных обращений к фискальным, демографическим источникам, то теперь для подтверждения смелых догадок и гипотез все более требовалось не выборочное, а сплошное привлечение всех этих источников обо всем вообще населении таких уральских центров, как Екатеринбург, Невьянск, Нижний Тагил – и не только их.

Поясним сказанное одним интереснейшим примером, где подобный, отчаянно трудоемкий метод сплошной обработки массовых источников позволил Виктору Ивановичу добиться результатов, значимых в масштабах истории культуры не одного только Урала, но и всей России. Речь идет о знаменитом фольклорном сборнике Кириши Данилова – важном явлении народной культуры периода перехода к Новому времени и отправном пункте исследования многими филологами древнейших пластов русского фольклора. Трудом А. А. Горелова и И. М. Шакинко были выявлены уральские документы, относящиеся к пребыванию “Кириши Данилова” (“Кирилы Данилова сына Никитина”) на демидовских заводах. В 1998 г. В. И. Байдин на основании документов внутреннего учета населения Нижнего Тагила выдвинул предположение, что Кириша Данилов идентифицируется и как упоминаемый в этих документах “Кирило Бобоша” (т. е. “Потешник”). Отождествление это сначала вызвало сомнения. Но когда Виктор Иванович проработал все документы учета нижнетагильского населения того времени, выявил и

⁵ См., например: *Байдин В. И.* Эволюция социально-культурного и бытового облика верхушки уральской буржуазии в конце XVIII–XIX вв. (на примере семьи екатеринбургских купцов Казанцевых) // *Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 17–27.*

определил всех имевшихся тогда на заводе Кириллов, оказалось, что других подходящих кандидатов в искомые Кирши просто нет. Заодно выявились многие ценные детали биографии Данилова-Никитина по прозвищу Бобоша, возможности его знакомства с Акинфием Демидовым еще на Алтае, на Колывано-Воскресенских заводах, получили объяснение некоторые особенности состава сборника и обозначился Невьянск как более вероятное место его создания. Прояснилась биография и упоминавшегося в сборнике Кирши Данилова другого нижнетагильского рабочего – Ивана Сутырина, которого А. А. Горелов безуспешно разыскивал под этой фамилией, а В. И. Байдин обнаружил его в заводских фискальных документах как “Ивана Михайлова сына Шерстобитова Сутырина”. Кстати говоря, имена и К. Бобоши, и И. Сутырина встретились Виктору Ивановичу и в документах розысков о старообрядцах – я дважды держал эти архивные дела в своих руках, не подозревая об их значении в истории отечественного фольклора⁶.

Еще одним новым направлением интересов В. И. Байдина, где он многое смог сделать благодаря массовой обработке демографических источников при их сопоставлении с нарративными текстами, стала история уральской живописи XVIII–XIX вв. Когда-то, во время своей первой археографической экспедиции 1966 г. на Саяны, в сборнике урало-сибирских исторических сочинений, переписанных рукою хозяина скита о. Палладия, мне встретились имена иконописцев Григория Коскина из Невьянска и Тимофея Заверткина из Нижнего Тагила. Этот сборник был как краешек айсберга, точнее – большого массива ранее неизвестной урало-сибирской литературы. Он стал отправным пунктом многих исследований в Новосибирске и в Екатеринбурге, в том числе и серии работ В. И. Байдина об уральских художниках XVIII–XIX вв.⁷ Виктору Ивановичу удалось собрать значительный массив сведений документальных и повествовательных источников о нескольких

⁶ См.: *Байдин В. И.* К биографии Кирши Данилова. О месте и времени составления сборника “Древние российские стихотворения” // V Уральские археографические чтения. Екатеринбург, 1998. С. 3–9; *Он же.* Кирша Данилов и Родион Набатов // Проблемы истории русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 125–141; *Он же.* “Последний скоморох” Кирша Данилов на Урале и в Невьянске. О времени и месте создания сборника “Древние российские стихотворения” // Очерки культуры и быта старого Невьянска. Екатеринбург, 2001. С. 73–110.

⁷ См.: *Байдин В. И.* К вопросу о старообрядческом иконописании на горнозаводском Урале в XVIII–XIX вв. // Древнерусская традиция в культуре Урала. Челябинск, 1992. С. 18–41; *Он же.* Лицевая книга Сибири // Сибирская икона. Омск, 1992. С. 234–244; *Он же.* Повествовательные и документальные источники по истории старообрядческого иконописания на горных заводах Урала в XVIII – начале XX вв. // Невьянская икона. Екатеринбург, 1997. С. 233–244; *Он же.* Заметки об иконописцах-старообрядцах на горных заводах Урала в первой половине – середине XVIII в.: новые имена и новое об известных мастерах (к вопросу об источниках и времени складывания невянской иконописной школы) // Вестник музея “Невянская икона”. Вып. 1. Екатеринбург, 2002. С. 58–81.

династиях уральских художников середины XVIII в. и одновременно быстро расширить хронологию своих поисков в обоих направлениях – на XIX в. и к началу XVIII в. Здесь он удачно сомкнул сферу своих исследований с научными разработками А. Т. Шашкова, изучавшего иконописание, легенды и повести об иконах Сибири и Урала XVII в.⁸

И особенно ценным в этих успехах двух уральских археографов явилось то, что их научные изыскания шли в тесном взаимодействии с работой целой плеяды екатеринбургских искусствоведов (Н. А. и Ю. А. Гончаровых, С. В. Голынца, О. П. Губкина), с подвижнической деятельностью коллекционера Е. В. Ройзмана, превратившего свое с немалым трудом созданное собрание невянских икон в общедоступный музей, организовавшего и финансировавшего публикацию шедевров уральской живописи⁹.

И было еще одно совместное дело Виктора Ивановича и Анатолия Тимофеевича, главное дело уральских археографов – то, что по аналогии с известным высказыванием академиков А. М. Панченко и Д. С. Лихачева о Сибири можно было бы назвать “археографическим открытием Урала”. Речь идет, конечно же, о начатых в 1974 г. под энергичным руководством Р. Г. Пихой археографических экспедициях историков и филологов Екатеринбурга в поселения староверов, хранителей древних книг и традиций (В. И. Байдин участвовал в них с 1975 г., А. Т. Шашков, уже имевший археографический стаж в Новосибирске, – с 1978 г.). На первых порах становлению нового центра выявления и изучения памятников древней книжности помогали своим знанием и опытом ученые других археографических центров – Москвы, Ленинграда, Новосибирска. Но Екатеринбург набрал здесь такие стремительные темпы, что по количеству собранного уже обогнал сибиряков. И очень важно, что новое дело сразу получило прочную базу – Уральский государственный университет. Там с самого начала была обеспечена подготовка новых кадров археографов, преемственность поколений; первые участники археографических экспедиций получили университетскую кафедру – возможность преподавания, учеников. В археографические экспедиции, в историко-филологический (а также музыковедческий, искусствоведческий) анализ найденного стали включаться все новые исследователи – Н. Мудрова, Н. Парфентьев, А. Мосин, М. Казанцева, Л. Соболева, Н. Кривова, И. Манькова, И. Починская, С. Белобородов, П. Мангилев, А. Полетаев, Д. Редин, Ю. Клюкина и многие, многие другие¹⁰.

⁸ См.: *Шашков А. Т.* Образ Богородицы в религиозно-нравственных представлениях сибиряков XVII в. // Вестник музея “Невянская икона”. С. 185–205; *Ромодановская Е. К., Шашков А. Т.* Сибирские видения 1662 г. в контексте антииконовской борьбы // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 29–43.

⁹ См.: *Ройзман Е. В.* Как это было // Вестник музея “Невянская икона”. С. 12–17.

¹⁰ См.: *Дорогами экспедиций. Хроника // Книги Старого Урала / Сост. и ред. Р. Г. Пихоя.* Свердловск, 1989. С. 234–239.

Собранное следовало не только бережно хранить (для этого было создано в УрГУ Древлехранилище, ныне под началом И. Починской), но и изучать, составлять научные описания разной глубины, публиковать самое интересное. Тут нашлось большое поле работы для всех археографов – и учителей, и учеников. К чести уральских ученых следует сказать, что они не стали откладывать в долгий ящик весьма трудоемкое дело создания и публикации научных описаний своих коллекций. Были опубликованы 4 книги серии “Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья” и 6 книг Каталога Древлехранилища УрГУ¹¹. Составителями первой серии стали совместно В. И. Байдин и А. Т. Шашков. Издание включило две обширные совместные статьи обоих авторов об основных персонажах и текстах урало-сибирской старообрядческой литературы XVII–XIX вв. и публикацию ряда сочинений с дотошным комментарием общерусского охвата. В Каталоге (как частично и в “Памятниках”) были опубликованы под редакцией сначала В. И. Байдина, а затем И. В. Починской описания всех коллекций Древлехранилища, составленные большим коллективом уральских археографов.

Статьи Анатолия Тимофеевича и Виктора Ивановича, опубликованные в первой серии, содержали немало находок и ценных наблюдений, сопоставлений, относящихся ко всей истории русского старообрядчества. Мне уже не раз приходилось в своих работах пользоваться этими добротными научными изысканиями, и я с удовольствием предоставил обоим авторам немало страниц и в том общем издании памятников народной литературы востока России XVIII–XX вв., которое было осуществлено в Новосибирске в 1999 г.¹² И хочется отметить, что особую ценность в этих публикациях имеют и долго еще будут иметь не только обобщающие очерки исторического и литературного процесса, но и потребовавший кропотливой работы и знания весьма широкого круга источников реальный комментарий.

Я не коснулся здесь нескольких других направлений научных интересов обоих авторов. Стоило рассказать, например, о новой сфере интересов А. Т. Шашкова – истории Северо-Западной Сибири, Югры (в том числе и дорусской) и среднего Приобья, о его же плодотворном вторжении в извечную тему сибиреведения – историю похода Ермака¹³. Стоило упомянуть и об интересном исследовании В. И. Байдина, посвященном одной из самых за-

¹¹ См.: Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья / Сост. В. И. Байдин, А. Т. Шашков. Свердловск, 1991. Т. I. Вып. 1; Т. I. Вып. 2; Екатеринбург, 1993. Т. II. Вып. 1; Т. II. Вып. 2; Каталог старопечатных и рукописных книг Древлехранилища Лаборатории археографических исследований Уральского госуниверситета. Ч. 1–6. Екатеринбург, 1994–2000.

¹² См.: Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1999. (История Сибири. Первоисточники. Вып. IX). С. 31–65, 607–654.

¹³ См.: Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 72–175; Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995. С. 51–58, 86–93; История Ханты-Мансий-

гачных фигур ранней историографии старообрядчества, автору “Истории о бегствующем священстве” Ионе Курносому¹⁴. Но и сказанного достаточно, чтобы оценить масштаб сделанного двумя уральскими учеными.

Пример екатеринбургских археографов вновь и вновь подтверждает старую истину: приращение новых существенных знаний о прошлом происходит лишь тогда, когда в научный оборот вводятся ранее неизвестные источники, факты, содержащиеся в них. Тогда и новая интерпретация уже известного может привести к выводам, отличным от тех, кои до тебя сделали на старой фактической базе далеко не глупые предшественники. И если ныне на поверхность всплывает немало примитивных работ, бедных свежими фактами, но богатых велеречивыми рассуждениями, то это потому, что поиск и осознание значения новых источников по теме – кропотливейшее дело, не терпящее поспешности, требующее хорошей памяти, досконального знания предшествующей литературы и умения сопоставлять тексты самого разного происхождения, хранения. Поэтому так важен сегодня редкий ныне пример высокого профессионализма уральских ученых В. И. Байдина и А. Т. Шашкова.

Проиллюстрирую это на примере небольшого и вроде бы частного этюда, который Анатолий Тимофеевич удачно преподнес к моему шестидесятилетию¹⁵. В нем идет речь о двух колдунах Иванах Жегловых, деде и внуке, сведения о которых были разбросаны по столбцам нескольких фондов РГАДА и другим источникам. Дед, Иван Прокопьев сын, занимал далеко не последнее место среди детей боярских Новгородского Софийского дома, первым браком породнился с самим владыкой Киприаном (являвшимся, кстати, первым архиепископом Сибирским и Тобольским), но в дни Новгородского восстания 1650 г. стал одним из главных руководителей движения, и тогдашний новгородский владыка Никон (будущий патриарх-реформатор) писал царю, что И. П. Жеглов своим колдовством приворотил всех новгородцев к

ского автономного округа с древности до наших дней. Екатеринбург, 1999. С. 52–200; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 75–160, 181–206; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX в. Хрестоматия. Екатеринбург, 1999; Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 87–208; *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 114–243; *Шашков А. Т.* Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России. [Вып. 1]: От традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 118–161; *Он же.* Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг. // Изв. Урал. гос. ун-та. 1997. № 7. Сер.: Гуманит. науки. Вып. 1. С. 35–50; *Он же.* Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 8–51.

¹⁴ См.: *Байдин В. И.* Кто ты, Иона Курносый? // Ежегодник НИИ русской культуры УрГУ. 1994. Екатеринбург, 1995. С. 33–41.

¹⁵ См.: *Шашков А. Т.* Якутское дело XVII в. о колдуне Иване Жеглове // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Новосибирск, 1990. С. 83–88.

“бунту”. Понятно поэтому, что колоритной фигурой И. П. Жеглова интересовались Б. Д. Греков и его ученик М. Н. Тихомиров, чьи труды немало помогали А. Т. Шашкову. Менее ожидаемым, хотя по-своему логичным и примечательным, было обнаружение ценных сведений о новгородском бунтовщике среди ранних сибирских источников о староверах, помещенных в известных “Материалах для истории раскола...” Н. Субботина (М., 1878. Т. 4. С. 285–286).

Но наиболее сложными для сопоставления оказались разновременные известия якутских столбцов о внуке И. П. Жеглова – якутском сыне боярском Иване Степанове Жеглове, сожженном в 1687 г. за колдовство. В свое время, занимаясь историей народных заговорных текстов, я выписал для себя шифры каких-то из этих столбцов, но дальше дело не пошло: не хватило короткого архивного времени для выявления всех связей. А. Т. Шашкову я ничего об этом не рассказывал, но ему удалось самостоятельно распутать весь этот архивный ребус, найти даже следы утраченных известий и, главное, установить не только родственные, но и четкие духовные связи деда и внука, обстоятельства передачи заговорно-фольклорной традиции от одного к другому.

И еще одно для меня примечательно. Новое знание было получено нашедшим новые источники Анатолием Тимофеевичем в проблеме, коей занимались мой учитель и учитель моего учителя. Сегодня для меня это особенно ценно. Когда-то мы начинали разработку проблематики истории общественного сознания, включая в первую очередь его важнейшую религиозную составляющую, и тогда проблематика эта сулила не быстрый карьерный рост, но одни лишь неприятности. Сейчас же в областях исторического исследования, связанных с вопросами веры, не пробраться сквозь толпу быстро рвущихся вперед скороделов-проходимцев. Уже многим настоящим исследователям, включая и уральских археографов, пришлось бороться с этим печальным феноменом. Но в такие дни особенно отрадн, что есть настоящие продолжатели научного творчества поколений наших учителей. Отрадн, что и у Анатолия Тимофеевича, и у Виктора Ивановича, и у их коллег немало талантливых учеников; чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на многие уральские издания, включая нынешний сборник.